

Итак, несмотря на значительные различия в лингвистическом статусе языковых единиц, выступающих в качестве дискурсных маркеров (их значительную вариативность в части полноточности, синтаксической роли, частеречной принадлежности), все исследованные дискурсные маркеры, несомненно, составляют единый лингвистический класс по критерию наличия дискурсивной функции. Следствием реализации данной функции в речи является когнитивное воздействие определенного вида, а именно, изменение характера интерпретации сообщения без изменения его смыслового наполнения. Данное утверждение подтверждается результатами экспериментального исследования, наглядно демонстрирующими широкие когнитивные возможности изученных дискурсных маркеров, а также показывающими их статистическую значимость как в разговорном дискурсе, так и в различных институциональных типах дискурса.

Литература

1. Ameka F. Interjections: the universal yet neglected part of speech // Journal of Pragmatics, 1992. Vol. 18. P. 101–118.
2. Hansen M.-B. The Functions of Discourse Particles. A study with special reference to spoken French. Amsterdam: John Benjamins, 1998. 417 p.
3. Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.

УДК 8; 82.02

Клюс Александрина Григорьевна

ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛЕГЕНДЫ О ТРИСТАНЕ И ИЗОЛЬДЕ В ЛИРИКЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА КАК ЕДИНАЯ ПАРАДИГМА

Статья посвящена анализу интерпретаций легенды о Тристане и Изольде в лирике Серебряного века. Основное внимание автора сосредоточено на анализе особенностей функционирования средневековой легенды в русской литературе. Дается сравнение стихотворений, отражающих отдельные эпизоды сюжета, М. А. Кузмина, Черубины де Габриак, Г. В. Иванова, Ф. К. Сологуба, В. И. Иванова.

Ключевые слова и фразы: Тристан и Изольда, интерпретация, Серебряный век, мифопоэтика, ремифологизация, мотив.

Klyus Alexandrina G.

INTERPRETATION OF THE LEGEND OF TRISTAN AND ISOLDE IN THE LYRICS OF THE SILVER AGE AS SINGLE PARADIGM

This article analysis the interpretation of the legend of Tristan and Isolde in the lyrics of the Silver Age. The author focuses on the analysis of the functioning of medieval legends in russian literature. Compares lyrics of M. Kuzmin, Gabriak, G. Ivanov, F. Sologub, V. Ivanov.

Key words: Tristan and Isolde, interpretation, Silver Age, mythopoetics, remythologization, motive.

Изучение печальной истории юноши из Леонуа и его верной возлюбленной, начатое в работах Ж. Бедье («Тристан и Изольда», 1900 г.), О. М. Фрейденберг («Целевая установка коллективной работы над сюжетом Тристана и Исольты», 1932 г.), А. А. Смирнова («Роман о Тристане и Изольде по кельтским источникам», 1965 г.), А. Д. Михайлова («Легенда о Тристане и Изольде и ее завершение (роман Пьера Сада «Тристан»)», 1973 г.), И. Г. Неупкоевой («История всемирной литературы: проблемы системного и сравнительного анализа», 1976 г.) и др., оформилось в специальную отрасль медиэвистики. Количество параллелей к легенде о Тристане и Изольде или отдельным ее мотивам настолько велико, что с трудом поддается счету. Возникнув в Средние века, легенда стала относиться в число «вечных». Параллели к мотивам романа мы находим в сказаниях древневосточных, античных, кавказских и др. Различные элементы легенды, как отмечает А. Л. Баркова, прослеживаются в таких прототипических памятниках, как «Преследование Диармайда и Грайне», «Сага о Кано, сыне Грантана», «Сага о Байле Доброй Славы». «Все эти памятники кельтского (преимущественно, ирландского) происхождения, и в романе действие происходит исключительно в кельтских землях» [1, с. 502]. По мнению Т. В. Муравьевой, наиболее ранним из сохранившихся до нашего времени литературным произведением, посвященным любви Тристана и Изольды, является небольшая поэма «Жимолость» поэтессы XII века Марии Французской.

Ряд мотивов, взаимно обусловленных и связанных так же, как и в легенде о Тристане и Изольде, обнаруживается в древнерусской «Повести о Петре и Февронии Муромских» (в переложении А. М. Ремизова). Отметим, что мотив посмертного соединения героев присутствует в дошедшей до нас севернорусской балладе «Василий и Софья» (время возникновения – XV–XVI вв.), широко известной в народе (над могилами погубленных матерью сына и невестки вырастают «золотая верба» и «кипарисно дерево», которые переплетаются корнями и вершинами, символизируя тем самым торжество любви).

Путем сложения всех полностью или частично известных французских редакций романа о Тристане, а так же их переводов на другие языки ряд исследователей (Ж. Бедье, В. Гольтер и др.) смогли восстановить фабулу и общий характер древнейшего, не дошедшего до нас французского романа-«прототипа» (середины XII века), к которому все эти редакции восходят.

Из всех параллелей сюжета Тристана и Изольды с большим основанием можно говорить о ряде памятников, хронологически значительно от него удаленных. Петербургский литературовед С. А. Фомичёв отметил типологическое сходство и преломление отдельных сюжетных звеньев, мотивов в поэмах А. С. Пушкина «Гавриилиада» и М. Ю. Лермонтова «Демон», повести А. И. Куприна «Олеся», итоговом рассказе И. А. Бунина «Чистый понедельник», стихотворении А. А. Галича «Когда я вернусь» и др. (См. подробнее [14]). Добавим также к данному перечню роман Джона Апдайка «Бразилия».

Функционирование сюжета легенды в русской литературе в творчестве поэтов Серебряного века М. А. Кузмина («Элегия Тристана», «Олень Изольды», «Сумерки»), Ч. де Габриак («Четверг»), Г. В. Иванова («Вздохни, вздохни ещё, чтоб душу взволновать...»), Ф. К. Сологуба («Милый мой ушел на ловлю...»), В. И. Иванова («Неуловимый поцелуй») представляет особый исследовательский интерес, обусловленный необходимостью систематизации интерпретаций легенды в отечественной литературе и выявления причин обращения к средневековой легенде как отдельных писателей, так и целых художественных направлений (романтизм, символизм, модернизм).

Особенностью поэтики Серебряного века являются ассоциативность образов, культурно-исторические параллели, включение различных «несобственных» элементов в структуру текста. Мировая литературная традиция присутствует в поэзии этого времени на уровне сюжетно-композиционных сближений, явных и скрытых цитат, реминисценций, аллюзий, сознательных стилизаций и вариаций.

Каждое обращение русских поэтов к легенде о Тристане и Изольде касается отдельных эпизодов западноевропейского повествования. Редукция легенды обусловлена интерпретацией отдельными авторами характеров героев, а не художественной системы событий. Сама фабула отходит на второй план, становясь как бы примером, иллюстрацией, одним из возможных вариантов возрождающегося и повторяющегося положения. Ключевую роль играет «имя», оно концентрирует целый сюжет.

Собственную версию легенды предлагает поэт-акмеист М. А. Кузмин. В послереволюционный период своего творчества Михаил Алексеевич обращается к античным, средневековым образам. «Элегия Тристана» (1921 г.) написана под впечатлением знаменитой оперы Р. Вагнера «Тристан и Изольда». При этом поэт обращается не только к романным интерпретациям образов в опере, но и к мифам, кельтским прототипам:

*Седого моря соленый дух,
За мысом зеленый закат потух,
Тризной Тристану поет пастух –
О, сердце! Оле-олайе!
Ивы плакучей пух! [5].*

Смертельно раненый Тристан лежит под липой в ожидании Изольды в своем замке на морском берегу Британии. Всю эту сцену сопровождает играющий на дудочке печальную мелодию пастух. Отметим встретившиеся строки:

*Угрюмый Курвенал умолк, поник,
Уныло булькает глохлый родник,
Когда же, когда же настанет миг,
О, сердце! Оле-олайе!
Что увидим мы transatlantiques? [5].*

Transatlantiques (от лат. «trans» – через) – французское прилагательное, обозначающее «заатлантический». В легенде, как и в данном стихотворении, прослеживается актуализация символики стихий. Вести о жизни и смерти приносит могучее и бурное море. Мифопоэтическое значение плаванья по морю «нередко рассматривается как состояние между жизнью и смертью» [12, с. 251]. Суровая морская атмосфера постоянно присутствует в различных сюжетных линиях. «Море перестает быть только обстановкой, оно становится поэтичной метафорой, символом» [9, с. 77]. Оно проявляется как активная сила и связано с ключевыми моментами легенды.

Тристан в стихотворении Кузмина представляется героем «кельтским» в константном для него времени-пространстве (средневековом), кроме того, в тексте стихотворения встречаются конкретные эпизоды легенды; интерпретация, таким образом, происходит без каких-либо трансформаций, по пути детализации. Е. Мелетинский назвал этот процесс «ремифологизацией», признавая «миф вечно живым началом, выполняющим практическую функцию и в современном обществе» [8, с. 87].

В стихотворении «Олень Изольды», написанном в 1926 г., можно говорить об отсылке к поставленной Мейерхольдом в 1909 г. в Мариинском театре опере Р. Вагнера «Тристан и Изольда», где Тристан был одет в малиновую рубашку (ср. в стихотворении Кузмина: «Взмолился о малиновой рубашке»); так же об отсылке к эпизоду легенды с любовным напитком – оправданием и символом дальнейшей судьбы героев:

*А синий соболь, огненная птица
 У печени и вьется и зовет:
 «Смотри, смотри, Тристан зеленоглазый,
 Какое зелье фрау Изольда пьет!» [7].*

Тристан с точки зрения доантропоморфного значения образа выступает растительным божеством (с этим связаны темы расставаний и соединений героев, как с культом умирающей и возрождающейся растительности и смены обличий Тристана), поэтому ключевым является зеленый цвет (встречаем в тексте «Тристан зеленоглазый»), он же знак Ирландии – «Зеленого Эрина» (древнее кельтское название страны, использовавшееся в сагах).

Непосредственно к образу Изольды М. Кузмин обращается в стихотворении «Сумерки» (1922 г.):

*Наполнен молоком опал,
 Залиловел и пал бесславно,
 И плачет вдаль с унылых скал
 Кельтическая Ярославна [6].*

Здесь сравниваются Изольда (названная лишь топонимическим определением «Кельтическая») и Ярославна из «Слова о полку Игореве». Два женских персонажа соединяются в монолитный образ величественной героини, оплакивающей разлуку / мнимую смерть (как в средневековой легенде), гибель дружины мужа и раны Игоря (как в древнерусском памятнике).

Поэт намечает второй путь толкования легенды – трансформационный, поиски новой идентичности, через соединение кельтских и славянских архетипических мотивов по принципу сходства.

Таким образом, М. Кузмин в своем творчестве уделяет особое внимание самому сюжету легенды, обращаясь к различным эпизодам и их интерпретациям в мировой культуре. Он намечает два пути «возрождения» мифа: первый – основан на воспроизведении одного сюжетного эпизода, второй базируется на толковании мотива (имени, детали) и в свернутом виде несет содержание целого эпизода или характера героя легенды в целом.

В поэзии Черубины де Габриак (литературный псевдоним-мистификация Е. И. Дмитриевой) образы Тристана и Изольды психологизированы и соотнесены с обстоятельствами собственной судьбы автора: жизненная драма, связанная с раскрытием (скрываясь за таинственным именем, Дмитриева привлекала более), тяжелейшим творческим кризисом, разрывом с Гумилевым и Волошиным и скандальной дуэлью между двумя поэтами. Перед тем, как перестать творить, Ч. де Габриак написала стихотворение «Четверг» (1909–1910 гг.):

*Не кубок пламенной Изольды,
 Не кладбищ тонкая трава,
 А жизни легкие герольды –
 Твои певучие слова [2].*

Можно провести некоторую параллель между лирической героиней и Изольдой. Тень тоски, одиночества, незнания будущего всё это создает минорный пафос произведения. Поэт интерпретирует сложные чувства героев кельтского эпоса, перекладывая их на свою лирическую героиню, посредством общего настроения стихотворения:

*... Среди живых я не живая,
И, мертвой, мира мне не жаль... [2].*

В изысканных строках стихов сквозит меланхолия, желание пойти навстречу зову сердца, найти душу, которой можно было бы довериться. Ч. де Габриак важен внутренний конфликт героев, порождающий смятения, тревоги, волнения. А имя в стихотворении становится семантическим указателем целого сюжета или его интерпретации. Г. Г. Шпет в работе «Эстетические фрагменты» выводит следующую формулу: «Хотя каждый сюжет может быть формулирован в виде общего положения, сентенции, афоризма, поговорки, однако эта общность не есть общность понятия, а общность типическая, не определяемая, а характеризующаяся. Вследствие этого всякое удачное воплощение сюжета легко индивидуализируется и крепко связывается с каким-либо *собственным* (курсив Г. Г. Шпета – прим. А. К.) именем. Получается возможность легко и кратко обозначать сюжет одним всего именем: «Дон-Жуан», «Чайльд Гарольд», «Дафнис и Хлоя», «Манон Леско» и т. п.» [15].

В поэзии видной фигуры Серебряного века Г. В. Иванова так же встречается реминисценция из средневековой легенды. В 1921 г. он пишет стихотворение «Вздохни, вздохни ещё, чтоб душу взволновать...»:

*Над нами утренний пустынный небосклон,
... Холодный луч дробится по льду...
Печаль моя, ты слышишь слабый стон:
Тристан зовет свою Изольду... [4].*

Это интерпретация смерти рыцаря, лежащего на берегу около своего замка и ожидающего свою возлюбленную Изольду, которая сможет вылечить. В стихотворении ведущими мотивами становятся любовь и смерть, как возможные способы выхода из губительной ситуации:

*... Печаль моя! Мы в сумерках блуждаем
И, обреченные любить и умирать,
Так редко о любви и смерти вспоминаем... [4].*

Герои являются заложниками судьбы, они не в силах что-либо изменить, принимая свою любовь как наказание. Но, даже умирая, влюбленные не сожалеют о содеянном и не раскаиваются, так как считают, что дар любви им предречен свыше. Г. Иванов вдохнул в эти образы дух своей эпохи, где любовь мыслилась неразрывно с гибелью. Сходство мироощущения является, таким образом, способом осовременивания средневековых героев.

Ф. Сологуб в стихотворении «Милый мой ушел на ловлю...» – первом из цикла «Кипридины розы», акцентирует внимание на эпизоде легенды, связанном с жизнью Тристана и Изольды в лесу. В целом, в судьбе Тристана лес играет особую роль: в нем он прячется от врагов, подстерегает баронов-предателей, проводит несколько лет с возлюбленной. Так, лес всегда дружелюбен герою и символизирует надежную стабильность. В фундаментальном труде британских ученых-кельтологов, братьев Алвина и Бринли Рис («Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе») представлена точка зрения, согласно которой Тристан связывается «с летней листвою и свободой леса» [11, с. 324]. Однако в стихотворении Сологуб рисует нам только переживания «златокудрой» Изольды, из ее монолога узнаем, где находится Тристан.

Упоминание Тристана и Изольды встречается еще у одного представителя поэзии Серебряного века Вячеслава Иванова. В стихотворении «Неуловимый поцелуй» цикла «Утешительница» (Сонные грезы) проводится параллель между лирическим героем и средневековым персонажем:

*По плитам разожженным, по льду
И в сени смертной, сквозь туман
Очей потусклых, как Тристан,
На миг распознаю – Изольду! [3].*

Итак, в творчестве указанных поэтов Серебряного века «мифологическая основа, обнаруживая свое присутствие в определенных предметах, явлениях, персонажах, их именах и сюжетах, в которых впоследствии функционируют, расширяет и углубляет смысловые границы текста. Рас-

смотренный в этом аспекте текст, по определению, М. М. Бахтина, представляет как «своеобразная монада, отражающая в себе все тексты» [10, с. 151]. Тенденция «ремифологизации» легенды о Тристане и Изольде проявляется в двух плоскостях: воспроизведении отдельного сюжетного эпизода или толковании отдельного мотива (имени, детали), несущего значимый элемент содержания или характера героя. М. А. Кузмин в своем творчестве пользуется сразу двумя возможностями «возрождения» мифа; Черубина де Габриак обращается к приему «развертывания детали» (кубок с любовным зельем); Г. В. Иванов и Ф. К. Сологуб интерпретируют отдельные сюжетные эпизоды (смерть Тристана / жизнь в лесу); В.И. Иванов использует «имя» как способ концентрации целого сюжета.

Литература

1. Баркова А. Л. Тристан и Изольда // Энциклопедия литературных произведений. М.: Вагриус, 1998.
2. Габриак. Сборник Аполлон [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litera.ru/stixiya/authors/gabriak/dayno-kak-mask.html> (дата обращения 10.01.2014).
3. Иванов В. И. Собрание сочинений в 4 томах. Брюссель, 1987. Т.4. [Электронный ресурс]. URL: http://www.rvb.ru/ivanov/vol4/01text/01versus/4_065.htm (дата обращения 17.12.2013).
4. Иванов Г. В. Стихотворения (полное собрание стихотворений). [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.ru/RUSSLIT/IWANOWG/stihi.txt> (дата обращения 17.12.2013).
5. Кузмин М. А. Библиотека поэзии. [Электронный ресурс]. URL: <http://kuzmin.ouc.ru/elegiya-tristana.html> (дата обращения 17.12.2013).
6. Кузмин М. А. Библиотека поэзии. [Электронный ресурс]. URL: <http://kuzmin.ouc.ru/symerki.html> (дата обращения 17.12.2013).
7. Кузмин М. А. Библиотека поэзии. [Электронный ресурс]. URL: <http://kuzmin.ouc.ru/olen-izoldu.html> (дата обращения 17.12.2013).
8. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1989.
9. Михайлов А. Д. Средневековые легенды и западноевропейские литературы. М.: Языки славянской культуры, 2006.
10. Погребная Я. В. О компонентах мифопоэтического и некоторых принципах их идентификации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота 2013, № 4 (22). Ч I.
11. Наследие кельтов. Древняя традиция в Ирландии и Уэльсе / пер. с англ. и послесл. Т. А. Михайловой. М.: Энигма, 1999.
12. Словарь символов и знаков / авт.-сост. Н. Н. Рогалевич. Мн.: Харвест, 2004.
13. Сологуб Ф. К. Стихотворения 1914-1922 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://sologub.narod.ru/texts/poems_1922.htm#23 (дата обращения 17.12.2013).
14. Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М.: Знак, 2007.
15. Шпет Г. Г. Эстетические фрагменты [Электронный ресурс]. URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/shpet01.htm> (дата обращения 26.01.2014).